Из научного наследия В.Ф.Ржиги

ГАРМОНИЯ РЕЧИ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Посвящается С.К.Шамбинаго в связи с 25-летием его научной деятельности

(- Украина, Кiïв, 1926, кн.: 4, с.24-34)

При реконструкции ритмики "Слова о полку Игореве" исследователь встречается с серьезными препятствиями, например, с неясностью вопросов древнерусского ударения и слогового значения конечных Ъ и Ь [I]. Такого рода трудностей нет при изучении другой стороны Слова, его звуковой и словесной гармонии. Здесь уже главную роль играют согласные и сам текст Слова вообще. Согласные в течение времени подвергались собственно небольшим изменениям, и эти изменения легко выявить. Что касается самого текста Слова, то по мнению новейших исследователей, которое я целиком разделяю, он не так уже сильно испорчен, как это казалось сначала. Большинство же отдельных ошибок исправляется усилиями палеографической и филологической критики. Все это является добрым предзнаменованием. Однако в затронутом во-

---

[I] Эти трудности пытался преодолеть акад. Ф.Е.Корш, в своей известной ритмической реконструкции Слова /Ф.Е.Корш. "Слово о полку Игореве". Изд. Отд.русск.яз. и слов. АН. СПб, 1909. Исследования по русскому языку. Т.П, вып.6/. Хотя гипотезу Ф.Е.Корша о том, что Слово написано былинным стихом, нельзя принять, однако отдельные его замечания об ударении в Слове заслуживают серьезного внимания. Вопрос этот, однако, на-столько сложен, что заслуживает специального рассмотрения.

просе возникают совершенно новые трудности с другой стороны. Речь идет о том, что инструментовка поэтических творений, несмотря на ряд новейших интересных работ в этой области, все же недостаточно изучена, тем более в области древнерусской литературы и устной словесности. И настоящая статья является только попыткой затронуть данный вопрос. Начиная ее, я исхожу из следующего размежевания фактов звучания памятника: I) аллитерация в ее различных видах и разновидностях; под аллитерацией я разумею такое созвучие рядом стоящих слов, которое обусловлено их синтаксической или этимологической связью; 2) созвучия синтаксического характера, т.е. созвучия целых предложений между собой; 3) тавтология, т.е. созвучие этимологически родственных слов.

Вопрос об аллитерации в Слове о полку Игореве" как известно, не новый. Еще в 1877 г. кн. П.П.Вяземский в своем "Исследовании о вариантах "Слова" между прочим обратил внимание на аллитерацию Слова и дал десять примеров: из них пять ставят аллитерацию на С, два на И, по одному на К, Р, О. Аллитерацию Слова кн. Вяземский охарактеризовал, как "весьма роскошную", но в то же время настолько натуральную, "что можно даже сомневаться - действительно ли она намеренная; во всяком случае весьма ясно, что она не заимствованная. "Между тем "древнейшая аллитерация англо-саксонская вполне искусственная". Этими коротенькими замечаниями кн. Вяземский и ограничился [I].

[I] "Слово о полку Игореве". Исследование о вариантах кн. П.П.Вяземского. СПб., 1877. - С.29.

Барсов в своем исследовании [2] признал, что "аллитерация, которую первый заметил в Слове кн.Вяземский, заслуживает особенного внимания", но работу в этом направлении не продолжил. Он дал лишь два новых примера: один – аллитерации на С: "Тогда при ОлЗѣ ГориСлавличи СѣяшетСя и раСтяшеть уСобицами"; другой на О: "Нъ нечестнО ОдОлѣсте, нечестнО бО крОвь пОганую прОлиясте".

Сопоставления Слова о полку Игореве с поэзией скальдов, которое сделал Абихт, снова дало повод коснуться аллитерации. Намереваясь доказать родство метрики Слова с северной метрикой, Абихт должен был, однако, признать, что аллитерация в Слове, хотя и встречается в большом количестве, играет совсем иную роль, нежели в поэзии скальдов. Там, у скальдов как говорит Сиверс, "каждая пара полустиший связывается аллитерацией в один сложный из двух частей, длинный стих", – между тем как в Слове аллитерации "составляют только случайное поэтическое украшение речи, а не служат его связи полустиший" [2]. В качестве примера из Слова Абихт дает один случай аллитерации, ранее не указанный:

То Почнуть нам Птици бити
в Полѣ Половецкомъ [3].

I Барсов Е.В. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружиной Руси. Т.I – С.172, 173.

2 Prof. Dr. Abicht. Das südrussische Igorslied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung. S.4 (Vier-undachtzigster Jahres-Bericht der schlesische Gesellschaft für vaterländische Cultur. Breslau. 1907

3 Там же.

Отдельные указания на аллитерацию в Слове о полку Игореве сделали также Ив.Франко [1] и английский исследователь Магнус [2]. Эти исследователи признают важную роль аллитерации в Слове, но характеризуют ее только негативно по признаку несходства с аллитерацией древнегерманской, ближайшим же образом роль аллитерации в Слове остается невыясненной, как со стороны количества содержания, так и со стороны качества формы. Заинтересовавшись данным вопросом, я нашел тут широкое поле для работы, и уже теперь имею возможность намного увеличить число аллитераций в Слове, и вместе с тем обратить внимание на их качественную неравноценность.

По внешнему признаку все случаи аллитерации в Слове можно разделить на 5 групп: I) аллитерация на согласный звук, 2) на группы согласных, 3) на гласный, 4) созвучие соседних слогов одного и того же слова, либо двух, которые стоят рядом, 5) созвучие целых слов.

Аллитерации на согласный весьма часты. Так на Б: "Немизѣ кровави Брезѣ не Бологомъ Бяхуть посѣяни" /36/ [3]. На П, кроме

I Ів.Франко. "Слово о Лазареве Воскресениі" Староруська поема на апокріфічні теми, с.33 (Записки Наукового Товариства Імени Шевченка, р.1900, кн.Ш І ІУ, т.XXXУ-XXXУI.

2 The tale of the armament of Igor A.D. 1185. A russian historical epic. Edited and translated by Leonard Magnus. With revised russian text, translation, notes, introduction and glossary. Oxford 1915, стр. 52, 88, 97, 100, 106.

3 Цифры в скобках указывают страницы I издания. В приведенных примерах выделены аллитерирующие звуки не только в слогах под современным ударением, но во всех случаях, обращая внимание на то, что акцентологический вид памятника был несколько иным нежели теперь.

упомянутого выше: "то Почнуть наю".../44/: I) "камо Туръ Поскочяше своимъ златымъ шеломомъ Посвѣчивая, тамо лежать Поганыя головы Половецкыя, Поскпаны саблями калеными"... /I3/, 2) "та Преди Пѣснь Пояше" /3/; 3)"уже бо бѣды Пасеть Птицъ По дубIю" [I] /9/; 4) "Пороси Поля Прикрываютъ" /I2/.

На В: I) "чили Въспети было Вѣщей Бояне, Велесовъ Внуче!" /7/; 2) "се Вѣтри, Стрибожи Внуци Вѣютъ"/I2/. Иногда встречаются аллитерации на Т: I) "не мыслIю Ти перелеТѣТи издалеча, оТня злаТа сТола поблюсТи?" /28/; 2) "сыпахуТь ми Тщими Тулы поганыхъ Тльковинъ" /23/; 3) "Тугою имъ Тули заТче" /39/.

Гораздо реже, нежели губные аллитерируются задне-язычные; вот пример, приведенный еще кн. Вяземским: "а Князи сами на себе Крамолу Коваху" /2I/. Особенно часто встречаются аллитерации на С и созвучный с ним З: I) "два Солнца померкоСта, оба багряная Стлъпа погаСоСта, и Съ нима [2] молодая мѣСяца, Олег и СвятъСлавъ тьмою Ся поволокоСта" /25/; 2) "Уже бо Сула не течетъ Сребреними Струями к граду ПереяСлавлю" /33/; 3) "единъ же ИЗяславъ Сынъ ВаСильковъ поЗвони Своими оСтрыми мечи о шеломы литовСкIя" /33/; 4) "уже пониЗите [3] СтяЗи Свои, вонЗите [4] Свои мечи вережени" /34/; 5) "тому въ ПолотСкѣ поЗвониша Заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ в Киеве Звонъ Слыша" /36/; 6) "Се ли ТвориСте моей Сребреней Сѣдинѣ!" /26/; 7) "тогда при ОлЗѣ ГориСлавличи Сѣяшется и раСтяшеть

[I] I изд.: подобIю.

[2] I изд.: и съ нимъ.

[3] I изд.: понизить.

[4] I изд.: вонзить.

уСобицами" /16/; 8) "и Стрѣлы по Земли Сѣяше. Ступаетъ въ Златъ Стремень"... /15/; 9) "Съ толже Коялы Святополкъ полелѣя [1] отца Своего между угорьСкими иноходьцы ко Святѣй СофІи к КІеву" /16/; 10) "А СвятьСлавь мутенъ Сонь видѣ в КІевѣ на горах: "Си ночь Съ вечера одѣвахьте мя"... /22,23/; 11) "Тогда Игорь въЗрѣ на Свѣтлое Солнце" /5/; 12) "и жалоСть ему ЗнаменІе Заступи, иСкуСити Дону великаго" /6/; 13) "Сабли изъоСтрени, Сами Скачють акы Сѣрым вльци въ полѣ" /8/; 14) "Тогда въСтупи Игорь князь въ Златъ Стремень" /8/.

Аллитерация на Ж встречается редко: "а мы уЖе друЖина Жадни веселІя" /26/. Неоднократно встречаются аллитерации на плавные. Примером может служить хотя бы вышеприведенный в качестве аллитерации на С: "уже бо СуЛа не течетъ сРебРеными стРуями къ гРаду ПеРеясЛавЛю"... /33/ или: "вЛъци гРозу въсРожать по яРугам" /9/, или еще более характерное звучание Р и Л при описании [redacted] фатальной сечи на Каяле: "съ заРанІа до вечеРа, съ вечеРа до свѣта Летять стРѣлы каЛеныя, гРимЛють сабЛи о шеЛомы; тРещать копІа хаРаЛужныя в поЛѣ незнаемѣ сРеди земЛи ПоЛовецкыи" /17/.

Плавные доминируют также и в плаче Ярославны.

Из аллитераций группы согласных наибольшее внимание привлекают такие, в состав которых входят снова плавные с предшествующей согласной, напр.: "тогда ВеЛикІй СвятСлавъ иЗРони СЛово съ [2] СЛезами смешено"... /26/. Случаев много; Р с предшествующей согласною чаще в описании боя, войскового пыла отважных, триумфа победы: а) "дѣти бѣсови КЛикомъ поля ПРегоро-

---

[1] I изд.: повѣлея.

[2] I изд.: "съ" - нет.

дища, а ХРаБРIи Русици ПреГрадиша ЧРълеными щиты" /I3/; б) "ЧРълень стягъ, бѢла хорюговь, ЧРълена чолка, СРеБРено сТРужIѥ ХРаброму СвятъСЛаВЛичю. ДРеМЛеть въ полѢ Ольгово хороБРое гнѢздо" /II/. Следует указать также аллитерации на СТ - иногда с Р: "и СТругы роСТре на куСТу" /42/, иногда без Р: "СТоять СТязи" /7/. В аллитерациях на гласный преобладают О и У. Еще кн. Вяземский [I] и Барсов [2] обратили внимание на аллитерирующее О в строках: "дремлеть въ пОлѢ ОльгОвО хОрОбрОе гнѢздО, далече залетѢлО, не былО ОнО [3] ОбидѢ пОрОжденО, ни сОкОлу, ни кречету, ни тебѢ чрьный вОрОнъ, пОганый ПОлОвчине" /II/.

Вот примеры аллитерации на У: "тIи бо два храбрая Святъславлича. Игорь и Всеволодъ уже Убудиста [4] кОтороЮ; тУ [5] бяше Успилъ отецъ ихъ"... И далее: "наступи на землЮ ПоловецкУЮ, притопта хлъми и яругы; взмУти рѢки и озеры, иссУши потоки и болота" /2I/ ... К предложенной классификации аллитераций в Слове о полку Игореве мы ввели далее созвучия соседних слогов того же самого слова либо двух, которые стоят рядом. Такие случаи не раз встречаются в Слове; они различаются между собою лишь качеством повторяемости: в одних случаях полная повторяемость, в других - частичная, она касается только согласного

I Вяземский П.П. "Слово о полку Игореве". Исследование о вариантах. СПб., I877. - С.29.

2 Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве" как художественный памятник Киевской дружинной Руси". Т.I. М., I877. - С.I72.

3 I изд.: небылонх.

4 I изд.: убуди.

5 I изд.: которув то.

звука. Характерным примером для случаев того и другого рода могут служить сочетания: "чръною ПАПОломою на кроваТИ ТИсовѣ" /23/. Обычно, созвучие в слове "паполомою" обуславливается данным его лингвистическим складом, но интересно, что поэт не избегает таких слов, но иногда, как видно, с охотою их вводит, напр.: "ЗЕгЗИцею", "мыЧЮЧИ", "възЛЕЛѣяни" и др. Другие примеры созвучия соседних слогов, как в одном слове, так и в двух, что стоят рядом, найти не трудно: а) "УЖе лЖУ" /21/, б) "темно БО Бѣ в Ѓ день: два солнца помьркоста, оБА БАгряная стлъПА ПОгасоста" /25/, в) "обѣСИСя СИнѣ мьглѣ" /35/. Плач Ярославны особенно богат аллитерациями такого рода: а) "ЗЕгЗИцею", б) "поЛЕЧЮ РЕЧЕ" - в данном случае созвучие захватывает даже две пары слогов; в) "кроВАВЫя его раНЫ НА жестоцѣмъ его тѣлѣ", г) "чеМУ МЫчеши", д) "маЛО ЛИ", е) "ЛЕЛѣЮчи", ж) "сквоЗѣ ЗЕмлю", з) "ты ЛЕЛЬялъ еси", и) "въЗЛЕЛЕЙ", к) "абых не сЛАЛА", л) "на моРЕ РАно". Дополнительным аргументом в пользу выделения рассматриваемой группы аллитераций может служить еще одно соображение. Автор Слова рядом с обычными словосочетаниями: "Русская земля": "по Руской земли" /17,18,20,25/, "на Рускую землю" /21/, "Руской земли" /37,44/, "О, Руская земле" /10,12/, - считает лучшим менять после предлога "за" этот обычный порядок слов и ставить прилагательное после определяемого существительного, таких случаев пять - и в каждом из них мы встречаем неизменно: "ЗА ЗЕмлю Рускую" /5,18,30,30,33/.

Об излюбленности некоторых определенных тонов свидетельствуют и другие признаки. Чем же как не этой излюбленностью объяснить такие явления? Если бы кто захотел раскрыть степень встречающихся в Слове отдельных прилагательных-определений, то увидел бы, что наиболее часто встречаются - "рускІй" (26 раз)

и "половецкIй" (I8 раз). Это обычно и понятно в произведении, которое воспевает эпизод борьбы Руси с половцами. Но как объяснить то, что больше всего из других прилагательных-определений, даже больше слова "рускIй", встречается слово "свой" в различных комбинациях: "своими крамолами" /35/, "главы своя" /32/, "свою рѣчь" /I7/, "главу свою" /6/, "къ дружинѣ своей" /5/, "своя милыя хоти" /I4/,"своихъ милыхъ ладъ" /20/, "своя храбрыя плъкы" /5/ и т.д. и т.д., всего тридцать раз. Неужели тут сыграло роль только значение этого слова, которое как бы дает почувствовать интимную близость владельца с владением? Подобное объяснение, если и можно допустить, то далеко не во всех случаях. Оно не удовлетворит нас целиком. Неизбежно требуется отвести место и чисто звуковому фактору. Вспомним, что аллитерациями на С Слово особенно богато. Это целиком согласно с теми наблюдениями, что почти в половине данных случаев слово "свой" соединяется с такими словами, которые гармонируют с ним большею частью – С и З: "на своемъ златокованнѣмъ столѣ" /30/, "своимъ златымъ шеломомъ" /I3/, "своими злачеными стрѣлами" /43/, "своими желѣзными плъкы" /30/, "своими острыми мечи" /33/, "своими острыми стрѣлами" /33/, "своими сильными плъкы" /2I/. "на своихъ сребреныхъ брезѣхъ" /42/, "стязи свои" /34/, "дѣду своему Всеславу" /33/, "сулицы своя" /32/, гнѣзда своего" /27/, "сердца своего" /5/, "крѣпосIю своею" /5/.

Наконец, последняя категория аллитераций, которую мы определяем по формальным признакам: это созвучия целых слов, напр.: "вся свОЯ ВОЯ" /5/, "страны РАДИ, ГРАДИ весели" /45, 46/.

Переходя теперь к рассмотрению аллитераций Слова о полку

Игореве по существу, мы невольно замечаем, что звукопись некоторых из них настолько очевидна, что переходит даже в звукоподражание. Начала слов, которые идут одно за другим: ВР, ГР, ТР, - передают карканье воронов: "врани граахуть, трупIа себѣ дѣляче" /I7/.

Зловещие завывания ночи, что раздавались в природе во время затмения, записываются скоплениями звуков С, З, Ц, Ч, Ш, Щ и доминирующим У: /СолнЦе емУ тьмоЮ пУть застУпаШе; ноЩь стонУЩи емУ гроЗоЮ птичЬ УбУди; СвиСть ЗвѣринЪ въ Стаи Зби"... [I] /8, 9/.

В смысле звукоподражания можно рассматривать и аллитерацию на П, которая уже обращала на себя внимание исследователей [2] в этом месте: "Съ заранIя въ Пятькъ ПотоПташа Поганыя Пльки Половецкыя; и рассушясь стрьлами По Полю Помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато и Паволоки и драгыя оксамиты"... /10, II/.

Другие аллитерации в Слове совсем не имеют, как видно, звукоподражательного характера и объясняются ассоциацией не со внешними звуками, а с эмоциональным тоном соответствующего места. Такова, например, аллитерация на У: "не тако ли, рече, рѣка СтУгна, хУдУ стрУЮ имѣя, пожръши чУжи рУчьи, и стрУгы, рострена к УстУ [3], УношУ князЮ РосиславУ затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по Уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобоЮ, и древо съ тУгоЮ [4] къ земли прѣклони-

---

[I] 2 изд.: звѣринъ въ стазби.

[2] Вяземский П.П. Указ.соч. - С.29.

[3] I изд.: ростре на кусту.

[4] I изд.: стугою.

лось"[1] /42,43/. Здесь передается тот элегический настрой общей скорби и печали матери по преждевременно погибшем юноше Ростиславе, что увековечено даже в летописи: "и плака ся по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немь по велику, уности его ради" /ПСРЛ, т.I, с.94/.

Из остальных групп аллитераций, что не поддаются непосредственному объяснению, мне представляется возможным выделить еще одну, которой я даю условное название символической. Самостоятельность ее можно мотивировать той особой суггестивностью, что в древние времена дружинного быта, как видно, была связана с собственными именами аристократического круга. С одной стороны особый словесный материал их был овеян прелестью иноземного звучания: Рюрик, Олег, Игорь, Ольга, с другой, значительная часть их была сложена из живых славянских корней, что преисполнены сознанием отваги, силы и славы: Володимир, Ярослав, Всеволод, Изяслав, Ярополк, Святослав и др. В них слышалось очарование власти, виделось сияние света, слышался звон славы. Особое свойство подобных имен княжеского круга должно было еще более приподнять их среди большинства обычных слов.

Подобное отношение к имени подтверждается, возможно, и теми местами древнерусских дружинных сказаний, где говорится о распространении славы князей-победителей в соседних краях и про страх далеких народов перед *самим именем победителя*. Привлечение внимания поэта к звуку славных имен и могло создать тот особый вид аллитерации, которому я даю название символического. Этот вид аллитерации заключается в том, что в общей

---

[1] I изд.: прѣклонило.

звуковой структуре выделяются те звуки, которые характерны для данных собственно личных или родовых имен. Игорь и Всеволод собираются в поход, один брат ждет другого, оба они – сыны одного отца Святослава, оба они Святославичи, и соединение звуков, характерных для имени Святослава, "СВ" несколько раз звучит при описании их встречи: "Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй Тур Всеволод: один брат, один СВѣтъ СВѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святославича, сѣдлай, брате, СВоя бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои Куряне СВѣдоми къмети" [1] /7,8/.

Также можно объяснить и излюбленное поэтом сопоставление слова "слава" с именем князей, сочетаемым с этим словом:
а) "Бориса же ВЯЧЕСЛАВИЧА СЛАВА на судъ приведе"... /15/;
б) "единъ же ИЗЯСЛАВЪ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа СЛАВУ дѣду своему ВСЕСЛАВУ"... /33/; в) "ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють СЛАВУ СВЯТЪСЛАВЛЮ"... /22/; г) "...а тьмочи изъ Бѣлаграда обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же возниъ трикуси отвори врата Новуграду, разшибе СЛАВУ ЯРОСЛАВУ..." /35/.

Слава князей и дружинников, которую воспевает поэт, представляется ему звоном: "звенить слава въ Кіевѣ" и черниговские дружинники "кликомъ пълъки побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу". Слава героев воспевается и звучит во всем Слове. И в именах князей слышится ее звон, резонируясь в звуковой эвфонии песни. И наоборот, имена князей звенят не только в славе, но и во всей музыке Слова.

Аллитерации связывают созвучностью главным образом слова,

---

[1] I изд.: къ мети.

которые стоят рядом. Но в Слове о полку Игореве господствует еще другой не менее важный эвфонический факт. Он лежит в созвучии целых фраз, что является следствием построения их по особому принципу. Мы можем назвать этот принцип синтаксическим параллелизмом. Синтаксический параллелизм состоит в симметричном построении родственных по значению предложений и приводит к появлению стихов, разнообразных на современный взгляд: здесь бывает и рифма в нашем понимании слова, большей частью глагольная, что появляется то в конце, то в начале связанных стихов, то повторением одних и тех же самых слов, то такими взаимоотношениями между параллельными частями, которые характеризуются повторяемостью лишь гласных и которые нельзя иначе назвать, как ассонансом. Слово дает весьма много примеров такого параллелизма. На самый факт его уже обращали внимание, но совсем с иной точки зрения [I]. Нас же будет интересовать лишь звуковая сторона этой симметрии. А потому все явления, которые относятся сюда, мы можем разделить на такие категории: I) синтаксический параллелизм с повторением одних и тех же слов, 2) параллелизм без повторения, 3) обычная глагольная рифма.

Первая группа наиболее большая и наиболее характерная для Слова; в пределах ее особенно часто встречается двухчлен-

---

[I] Бирчак В. ВизантIйська церковна пIсня I Слово о полку ИгоревI. - Записки Наукового Товариства Iм. Шевченка. I910. Т.XCУ. - С.5-29.

ная формула, меньше трехчленная и очень редко, всего один раз – четырехчленная. Чтобы судить о характере и объеме явления в целом, я даю все наблюденные случаи его в Слове.

а) "луце жъ [1] бы потяту БЫТИ,
неже полонену БЫТИ" /5/.

б) Нъ НЕЧЕСТНО одолѣсте:
НЕЧЕСТНО бо кровь поганую пролiясте" /26/.

в) "Ваю храбрая сердца ВЪ жестоцемъ харалузѣ скована
а ВЪ буести закалена" /26/.

г) "въ полѣ безводнѣ жаждею ИМЪ лучи съпряже,
тугою ИМЪ тули затче" /39/.

д) "съ заранiя въ пятькъ потопташа поганыя плъкы
ПОЛОВЕЦКЫЯ;
и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы
ПОЛОВЕЦКЫЯ" /10/.

е) "аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
НИ НАМА будетъ сокольца,
НИ НАМА красны дѣвице" /44/.

ж) "ТУ СЯ копiемъ приламати,
ТУ СЯ саблямъ потручати..." /12/.

з) "ЧТО МИ шумить,
ЧТО МИ звенить..." /18/.

и) "БИШАСЯ день,
БИШАСЯ другый..." /18/.

к) "УЖЕ бо, братiе, не веселая година въстала,
УЖЕ пустыни силы прикрыла" /19/.

л) "ТУ Нѣмци и Венедици,
ТУ Греци и Морава

---

[1] I изд.: луцежъ.

поют славу Святъславлю
кают князя Ігоря..." /22/.

м) "Не ВАЮ ЛИ злаченыи [1] шеломы по крови плаваша?
НЕ ВАЮ ЛИ храбрая дружина рыкають акы туры..." /39/.

н) "ЧЕМУ, господине, насильно вѣеши?
ЧЕМУ мычеши хиновьскыя стрѣлкы
на своею нетрудною [2] крилцю
на моея лады вои?" /38/.

о) ... "О Днепре словутицю!
ТЫ пробилъ ЕСИ каменныя горы сквозь землю Половецкую,
ТЫ лелѣялъ ЕСИ на себѣ Святославли носады до полку
Кобякова" /38,39/.

В вещем сне Святослава после аналогичных глагольных форм дважды повторяется "МЯ" и "МИ".

п) "одѣвахьте МЯ... чрьпахуть МИ... сыпахуть МИ...
и нѣгуютъ МЯ..." /23/.

И наконец, в обращении к вел. кн.Всеволоду встречаем также дважды:

р) "Ты бо можеши..." /28/.

Трехчленные формулы, хотя и реже, но выразительнее:

а) "ИГОРЬ спитъ
ИГОРЬ бдитъ
ИГОРЬ мыслію поля мѣритъ..." /40/.

б) "Стрежаше его [3] гоголем НА водѣ,
чайцами НА струяхъ,
чрнидьми НА ветрѣхъ" /42/.

---

[1] I изд.: злачеными.

[2] I изд.: не трудною.

[3] I изд.: е.

в) "ТУ ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каяли.

ТУ кроваваго вина не доста;

ТУ пиръ докончаша храбрІи Русичи..." /18/.

Либо, наконец, трехчленная формула, которая объединяет со строгостью своего параллелизма двойную повторяемость двух слов:

г) "УЖЕ снесеся хула НА хвалу;

УЖЕ тресну нужда НА волю;

УЖЕ връжеся дивь НА землю" /25/.

Один случай четырехчленной формулы с повторностью - в плаче русских жен:

"Уже намъ своихъ милыхъ ладъ НИ мыслІю смыслити,

НИ думою сдумати,

НИ очима съглядати,

а злата и сребра НИ мало того потрепати" /20/.

Из приведенного материала видно, что слова, которые повторяются в параллелизмах, весьма различны, и место их в формулах не одинаково: они встречаются больше всего в начале, иногда в середине и редко в конце синтаксических единиц.

Обычный синтаксический параллелизм без повторения отдельных слов - явление, которое также довольно часто встречается в Слове. В приведенных далее примерах указывается созвучие элементов, что сами собою возникают на почве параллелизма.

а) "Два солнца помѣркОСТА,

оба багряная стлъпа погасОСТА,

и съ нима молодая мѣсяца, Олег и Святъславъ,

тьмою ся поволокОСТА" /25/.

б) "Тогда врани не граахуть

галици помлъкОША

сороки не трыскотАША,

полозію полэОША только;
дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ какУТЪ,
соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаЮТЪ" /43/.

в) "О Донче! не мало ти величія,
лелѢЯВШУ князя на влънах,
стлАВШУ ему зелѣну траву на своих сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвАВШУ его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу"
/41,42/.

г) "СтоИШИ на борони,
прыщЕШИ на вои стрѣлами,
гремлЕШИ о шеломы мечи харалужными" /13/.

д) "настУпи на землю ПоловецкУю,
притопта хлъми и ярУгы,
взмУти рѣки и озеры,
исоУши потоки и болоти..." /21/.

И данному примеру нельзя отказать в известной звуковой организованности на основе параллелизма, если принять во внимание, что "У" в словах "наступи", "взмути", "иссуши" было под ударением, по мнению Ф.Е.Корша [1]. Кроме того см. еще этот же пример в качестве аллитерации на "У".

е) "поЮТЪ время Бусово,
лельЮТЪ месть Шароканю" /25,26/.

ж) "... ЗАступИВЪ королеви путь,
ЗАтворИВЪ [2] Дунаю ворота" /30/.

И в плаче Ярославны:

---

[1] Корш Ф.Е. Слово о полку Игореве. СПб., 1909. - С.13.

[2] I изд.: затвори въ

з) "полечЮ, рече, зегзицею по Дунаеви,
омочЮ бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
утрУ князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ"
/37,38/.

Как видим, приведенные примеры различаются между собой и количеством паралельных синтаксических единиц и степенью самой параллельности. Наиболее обычны группы в 2, 3, 4 члена. Только один раз встречается многочленное построение, хотя и сложенное из двучленных и трехчленных звеньев:

"А мои ти Куряни свѣдоми къмеТИ: яругы ИМЪ знаеМИ,
ПОДЪ трубами повИТИ луци у них напряжЕНИ,
ПОДЪ шеломы ВЪзлелѣЯНЫ тули отворЕНИ,
конец копIя ВЪскръмлЕНИ сабли изъострЕНИ..."
пути ИМЪ вѣдоМИ /8/.

Невыдержанный параллелизм оборачивается иногда в обычную глагольную рифму, например:

"Всеславъ князь людемъ суДЯШЕ,
князем грады рядЯШЕ,
а сам въ ночь влъкомъ РЫСКАШЕ;
изъ Кыева ДОРИСКАШЕ до куръ Тмуторокани,
великому Хръсови влъкомъ путь ПРЕРЫСКАШЕ" /36/.

Или еще:

"Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикАХУТЬ;
нъ часто врани граЯХУТЬ, трупIя себѣ дѣляче;
а галици свою рѣчь говорЯХУТЬ..." /I7/.

Сам факт синтаксического параллелизма, который мы наблюдаем в Слове, очень важен, особенно для изучения стилистики памятника и для тех или иных допущений его родства с иностранными литературами. Теперь же для нас достаточно общего выяснения,

как много созвучий в Слове выходило из указанной особенности, связанной с синтаксической структурой песни.

Мы не рассмотрели бы всей гармонии Слова, если бы еще не вспомнили про один факт, пусть и не такой важный, но достаточно характерный: это - тавтология, т.е. связь этимологически родственных слов, хорошо известная как устной поэзии, так и книжному стилю. Таких случаев в Слове немного, но все-таки их необходимо выделить в особую группу. Вот она: а) прежде всего выражение "трубы трубять" - встречается дважды /7,34/; б) потом: "свѣть свѣтлый" /7/, "мосты мостити" /11/, "ни мыслію смыслити" /20/, "ни думою сдумати" /20/, "пѣние пѣснь" /46/, "пѣснь пояше" /3/. Если сюда прибавить еще выражение "свычая и обычая" /14/, то и весь состав данной группы будет исчерпан.

Итак, мы убедились, сколь различна эвфония Слова и из каких различных источников она возникает. Мы расчленили целое на его элементы. Но общий основной вопрос о тайне эвфонии Слова, о том важнейшем, что из этих многочисленных атомов и клеточек создает единый художественный организм, - этот вопрос остается для нас таким же таинственным, как и ранее. К попытке разрешения его можно подойти лишь с одной стороны, со стороны художественной индивидуальности поэта. Всем, кто изучал Слово, хорошо известно, как полно умел автор его наблюдать тогдашнюю действительность и как красочно умел передавать свои поэтические воззрения. Он воспринимал мир как картину, полную драматизма, что сверкает яркими красками золотых шеломов, червленых щитов, озаренных кровавой зарей и синею молнией. Но это только одна сторона восприятия. Орлиный полет и орлиная острота зрения сочетается с поразительным слухом. Различные голоса птиц

и зверей хорошо известны и понятны автору Слова. Он вслушивается в говор галок, понимает их речь. Для него соловьи поют веселые песни, которые возвещают рассвет, дятлы своим стуком указывают путь к реке. Звуки животного мира наполнены таинственным значением: волки на грозу воют по оврагам, орлы клекотом на кости зверей зовут, лисицы лают на червленые щиты; загадочный Див, - тоже вероятно, птица, - кличет на вершине дерева. Лебедь и соловей особенно полюбились поэту. Он упоминает и лебединые песни, и испуганный крик лебедей, и плеск лебединых крыльев. Песнопение Бояна - это щебетание соловья. И не раз то тут, то там человеческие звуки напоминают животное царство. В плаче Ярославны слышится кукушка, в стонах раненой дружины - рыкание туров, в разговоре половецких ханов - стрекотание сорок. И от неживой природы, от земли, туч, моря и рек доносятся вещие голоса: земля то глухо гудит, "тутнетъ", то содрагается от тревожного стуку, "стукну земля, въсшумѣ трава". Тучи и молнии предвещают гром. Дон, обращаясь к князьям, кличет их на помощь. Во тьме ночи еще слышнее становятся голоса немой природы: "Нощи стонущи ему грозою птичь убуди; свисть звѣрий въ станъ зби". В полночь заговорило и море: "прысну море полунощи"...

А человеческая жизнь, как она богата звуками, как наполнена криками, шумами, стонами, песнями и звонами. Вот собираются в поход: "Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Киевѣ... Трубы трубять въ Новѣградѣ...". И с южных степей слышится скрипение половецких телег: "крычать тѣлѣгы полунощи". Вот, наконец, бой: гремят и звенят мечи о шеломы, "трещать копIа харалужныя". На поле боя раздается шум и крики: "дѣти

бѣсови кликомъ поля прегородиша", "се у Римъ [I] кричатъ подъ саблями половецькими". Поражение, несчастье, горе русской земли также в звуках: "а въстона бо, братие, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми". "О! стонати Руской земли...". Поэт приметил и другие, совсем не трагические звуки: и свист Овлура за рекой, крики ратаев. Но больше всего его захватывает песня и звон. Он очарован песнопением Бояна и рокотом живых струн под его перстами. Он чуток и к песням не на родном языке, а на чужих, к художественной и музыкальной красоте западно-европейской поэзии: "ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю". Даже песни врагов не чужды его слуху: "се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю". С песнею соединяется звон: готские "красныя дѣвы" поют, "звоня рускымъ златомъ". Песня и звон объединяются в понятие славы: можно петь песню славы и можно звонить "въ прадѣднюю славу". Такие песни и звон преодолевают время и пространство. Из далекого прошлого, от времен прадедов доходит до поэта звон "давный" в Тмуторокани, звон, к которому прислушивался великий князь Всеволод, и от которого затыкал уши Владимир Мономах в Чернигове. Если в Полоцке звонили в колокола в честь Всеслава, он в Киеве слышал этот звон. Своих героев автор наделил той чудесной чуткостью к звуку, какой еще больше отличался сам. Он слышит, как девицы поют на Дунае и их голоса "вьются" через море до Киева. А сколько поэзии звука в этом дивном: "что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?" В мировой литературе вряд ли найдется другое произведение, в котором воплотилось бы столько звуковых впе-

---

[I] I изд.: Уримъ.

чат(л)ений. Автор Слова был, бесспорно, высоко одаренной музыкальной натурой. В исключительности его дарования и нужно искать главного объяснения фактов эвфонии, которые мы наблюдаем в Слове. Много элементов этой эвфонии возникают обычно из поэтического замысла: каковы, быть может, отдельные наиболее ясные случаи звуковых аллитераций. Но аллитерация в целом, самый способ приложения синтаксического параллелизма и сама суть эвфонии Слова объясняется лишь одним - музыкальным чутьем поэта. Тут мы должны остановиться, здесь последний рубеж нашим вопросам, но тут же и свет, который убеждает, что намеченный путь правильный. Слово представляется нам героической симфонией гениального музыканта и в свете этого взгляда оно раскрывается для новых и новых исследований [I].

Методы изучения гармонии Слова могут быть полезными и для критики самого текста, по крайней мере они не раз помогают нам разобраться в огромном количестве предлагаемых поправок и выделить те, что наиболее соответствуют духу памятника. Ограничусь некоторыми примерами.

Немало толкований связано с таким местом вступительной части Слова: "спала князю умь похоти, и жалость ему знаменIе заступи искусити Дону великаго" /6/. Первая часть фразы вызывала ряд кон'ектур. В.Ф.Миллер предлагал читать: "вспала (либо впала) князю в умь похоть"; Тихонравов (I изд.): "спалъ князю умь похоти". Потебня в духе Миллера: "успала князю у умь похоть". Корш: "отъяла къназю умь похоть". Таким образом, большинство

I Другая сторона памятника, его поэтическая композиция рассмотрена в моей статье "Композиция Слова о полку Игореве". „Slavia" 1925. Т.IУ, вып.I.

комментаторов считала "спала" - глаголом, сказуемым, а "похоти" - именем существительным, только один Барсов предложил тут сделать наоборот и дал кон'ектуру: "спала князю умъ похоти", понимая "спала" - в связи с древнерусским "спалка" в значении современного польск. "spala" - inflammatio , а "похопить" - в значении "схватить, захватить, овладеть". Одним из мотивов Барсова явилось также синтаксическое взаимоотношение данной части фразы со следующей: "и жалость ему знаменIе заступи", где сказуемое в конце, а подлежащее на первом месте [I] . Прочтение Барсова, соответствуя принципу синтаксического параллелизма, имеет перевес и если и потребует какого-либо улучшения, то может быть со стороны глагола "похопити", необычного для Слова; не лучше ли прочитать "полони", т.е. "спала князю умъ полони". Такое прочтение лучше и в палеографическом отношении, потому что "л" легко могло дать "х" в полууставе и в скорописи; кроме того прочтение "полони" больше соответствует словоупотреблению самого памятника, как видно из дальнейшего: "уже, княже туга умъ полонила", - говорят бояре Святославу Киевскому. Как известно, спорным является для понимания и такое место:

"Заря свѣтъ запала,
мъгла поля покрыла,
щекотъ славIй успе,
говоръ галичь убуди..." /I0/.

Прежде всего укажу, что в последних двух строчках наблюдаем не только синтаксический параллелизм, но почти полный

[I] Барсов Е.В. Слово о полку Игореве..., Т.П. М., I887. - С.I47-I53.

параллелизм гласных, т.е. ассонантное отношение между ними:

"щекОтъ слАвІй Успе,
гОвОръ гАличь Убуди..."

Естественно и первые две строчки комментировать в духе параллелизма. Трудно согласиться с теми исследователями, что рассматривают слово "свѣтъ" в качестве дополнения к "заря" и соединяют его тире (Тихонравов, Огоновский). Более правильную позицию занимают те, кто соответственно характера структуры этих строк смотрят на "свѣтъ" как на приложение и предлагают поправки для слова "запала", а именно: "заповѣдала" (Потебня), "запяла" (Миллер). Поправка Потебни, однако, трудна палеографически; поправка Миллера, хотя и блестяща своей палеографической простотой, однако не дает удовлетворительного понимания. Поэт рисует картину пасмурного утра (так понимали еще Максимович, Ап.Майков, Потебня, Барсов, С.К.Шамбинаго), и значит здесь речь идет не об угасании вечерней зари, а о появлении утренней; понимание наиболее лучше передается переводом: "заря свет заронила" (Барсов). Поэтому вместо слова "запала" я предложил бы прочитать "запалила", что целиком допустимо палеографически: слог "ли" мог быть надписан над строчкой, а потом не обратить на себя внимание переписчиков. Кроме того новое прочтение еще больше выравняло бы параллелизм первых двух строчек:

"Заря свѣтъ запалила,
Мъгла поля покрыла".

В спорах о Трояне, стоя на точке зрения тех, кто считает такое прочтение первоначальным и не заменяет Трояна Бояном, можно было б привести в качестве дополнительного аргумента прекрасную аллитерацию на "Р", в том числе на "ТР": "рища въ

тропу Трояню" /6/ и идя за акцентологией Корша: "РИща въ тропу ТрОянЮ".

Наконец, памятуя о звукописном способе Слова, нельзя не присоединиться к тем комментаторам, которые в отрывке "ступаеть въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ, то же звонь слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодь [1], а ВладимІръ по вся утра уши закладаше въ Чернигове" определение-прилагательное "давный" относят не к кн. Всеволоду, а к слову "звон" [2]. И у нас невольно появляется мысль, не слышится ли в слове "давный", отделенного от своего определяемого слова глаголом "слыша" - далекого глухого резонанса к слову "звон": тот самый звон, что доходил из глубин прошлого, от времен дедов.

---

[1] I изд.: Ярославь син Всеволожь.

[2] Так: Огоновьский. Слово о полку Игоревѣ. У. Львов. 1876. - С.62.

Перевод с украинского В.Кускова